

Эта неделя для Ци Ханя стала самой долгой и самой короткой одновременно.

Он проживал каждый день, словно смертельно больной, который цепляется за каждую секунду в тщетной попытке выторговать у смерти хоть немного времени. Но истина была в том, что его ждала лишь пропасть, без шанса на возвращение.

В понедельник он снова договорился с фотографом о съёмке.

К счастью, родители привезли того самого маленького мальчишку, который однажды уже засветился у них в кадре. По просьбе Фу Гэ мальчуган снова согласился сыграть роль их сына.

На фотографиях Ци Хань держал мальчика на плечах, крепко обхватив его пухленькие ладошки. Оба перемазались яркими крошками от пирожных, а Фу Гэ, смеясь, тянулся к ним с платком, чтобы стереть эти следы. Но мальчишка вдруг задорно толкнул его, и Фу Гэ, потеряв равновесие, едва не упал — прямо в объятия Ци Ханя.

Цветущие клумбы, изумрудная трава, мольберт с нарисованным медвежонком, разбросанные по земле банки с красками, высокий и статный альфа, его нежный бета с длинными распущенными волосами и мальчуган в смешной кепке на плечах.

Словно настоящая семья. Словно давняя мечта наконец-то обрела плоть и кровь.

Эту фотографию Ци Хань распечатал в нескольких экземплярах, но самая большая висела прямо над его кроватью в палате — стоило открыть дверь, и взгляд тут же наткнулся на неё.

Но всякий раз, когда Фу Гэ входил в комнату, он тут же отводил глаза. Он не хотел даже мельком видеть этот обман.

Во вторник Фонд Ци Цзи наконец вышел из тени.

Сотни людей, когда-то получивших помощь, одновременно заговорили, а в интернете началась масштабная кампания памяти учёного, посвятившего свою жизнь защите желез омега. Впервые за девять лет имя Ци Цзи снова появилось в заголовках, и люди наконец узнали, какой вклад этот скромный человек успел сделать.

— Хань-ге, иди-ка сюда. — Чэнь Син таинственно поманил его в сторону. — Только что выложили пресс-релиз от имени Ци-шу и благодарственные письма тех, кто получил помощь. Мы разместили их сразу на тридцати площадках. Но тут одна странность: за пару минут до того, как мы опубликовали, я заметил, что ещё пятнадцать других медиа успели выложить аналогичные статьи. Причём тексты были немного другими, а сразу после наших публикаций они свои удалили.

Ци Хань нахмурился:

— У тебя есть список этих медиа?

— Есть, конечно. — Чэнь Син протянул ему телефон. — Я проверил их — это какие-то новые издания, всплыли всего пару лет назад. На вид чистые, никаких подозрительных связей.

Он почесал нос и хмыкнул:

— Прямо какая-то мистика. На кой ляд им делать ту же работу, что и мы? Будто заранее знали. Может, порыться ещё? Узнать, чего они добивались? Пропаганда добра и справедливости? Да ну, бред какой-то. Тут явно кто-то за кулисами дергает ниточки.

— Не надо, — сухо оборвал его Ци Хань, уставившись на одно название в списке. “Снежные светлячки” — именно так Фу Гэ назвал одну из своих картин, когда учился в выпускном классе.

— Я знаю, кто это.

— Что, опять знаешь? — Чэнь Син изумлённо уставился на него. — И кто же?

Губы Ци Ханя дрогнули в болезненной усмешке.

— Один... старый друг.

Очевидно, что Фу Гэ тоже понимал, какие последствия повлечёт за собой торговля железами, если правда выйдет наружу. Это уничтожит не только Ци Ханя, но и наследие его отца. Поэтому маленький бета заранее всё рассчитал: сначала нужно было вывести Ци Цзи из-под удара.

Он, как и прежде, чётко различал, кто враг, а кто нет. Никогда бы не позволил своей мести затронуть тех, кто не имел к этому отношения. Он так же методично и безжалостно уничтожал Ци Ханя, как и защищал его отца, чтобы никто не смог очернить его имя.

Этот план вынашивался три года. И теперь, когда всё началось, у Фу Гэ была только одна цель — Ци Хань. Единственный и неизбежный трофей.

В среду в сети вновь всплыли статьи о трагедии семьи Ци. Это было как бомба, взорвавшая весь деловой мир.

Девять лет назад мальчик, чудом переживший резню, теперь возглавлял торговую палату. Новости разлетелись молниеносно: десятки изданий подхватили эту историю и вывесили её на главные страницы.

И меньше чем за день каждый в столице — от пожилых до детей — знал о трагическом прошлом Ци Ханя. Даже медсестра в больнице, которая больше всех недолюбливала его, украдкой бросала на него полные жалости взгляды.

Теперь, куда бы он ни шёл, его провожали пристальными взглядами. Кто-то шептался за спиной, кто-то обсуждал детали той резни с полным ужасом на лицах.

Полчаса короткого дневного сна, и рубашка Ци Ханя уже пропиталась холодным потом.

Он проснулся резко и беззвучно, глаза, покрасневшие от усталости, поочередно меняли выражение: сначала растерянность, затем смятение, а потом — тихий, липкий страх и беспомощность.

Он прикрыл веки, стараясь выровнять дыхание, чтобы хоть немного успокоить бешено скачущую грудную клетку. Потом медленно переоделся в чистую пижаму, лёг обратно и поднял правую руку, прикрывая глаза ладонью. словно это могло стереть кошмары.

Этот жест он выучил в четырнадцать лет и с тех пор использовал, каждый раз убеждая себя, что всё это не больше чем дурной сон. И вот уже девять лет это было единственным способом заснуть.

Возможно, на этот раз его желание было слишком сильным, потому что стоило ему закрыть глаза, как он ощутил тёплую ладонь, мягко коснувшуюся его лица. От неё пахло чем-то знакомым, будто древесной смолой и акварельными красками.

Ци Хань не поверил своим ощущениям и резко распахнул глаза. И правда — рядом с кроватью сидел Фу Гэ, спокойный и невозмутимый.

Одна рука лежала на его лбу, другая с видимой неловкостью возилась с пуговицами на пиджаке. Заметив, что альфа открыл глаза, маленький бета чуть приподнял голову и спросил:

— Хочешь ещё поспать? Я побуду с тобой.

Глаза Ци Ханя мгновенно заволкло влагой, губы судорожно дрожали:

— Гэ... побудет со мной?..

Фу Гэ чуть смутился, пальцы замерли на последней пуговице.

— Ты не хочешь?

— Хочу... хочу... — Ци Хань поспешно потянулся вперёд и сам расстегнул оставшуюся пуговицу, чуть дрожащими пальцами помогая Фу Гэ избавиться от пиджака. Бета забрался в постель, устраиваясь рядом, обнял его и прижал к себе, так что лицо Ци Ханя оказалось у него на груди, там, где под мягкой тканью тихо и размеренно билось сердце.

— А Хань.

— Мм?..

— Не смотри и не думай. Я останусь с тобой. Мистер Мишка тоже должен как следует выспаться.

Это почти забытое обращение ударило по самому хрупкому в его сознании, заставив сердце болезненно сжаться. Голос Ци Ханя дрогнул, стал хриплым и сдавленным, будто он из последних сил старался не разрыдаться.

— Ты... правда здесь?

— Что?

— Гэ правда сейчас со мной?..

— Конечно.

— А когда я проснусь, ты тоже будешь здесь?..

— Конечно.

— Ты... всегда будешь со мной?

— ... Спи. Спокойной ночи.

Он и не ждал другого ответа. Глаза, покрасневшие и полные слёз, медленно закрылись.

В четверг Фу Гэ нарисовал для него портрет.

Черно-белая работа, выполненная в технике скетча. Линии резкие, тени глубокие, и оттого картина казалась ещё более мрачной.

Когда Ци Хань получил рисунок, он был почти безумно счастлив. Он тут же обхватил Фу Гэ и

закружил его несколько раз, смеясь как ребёнок, совершенно не замечая ничего странного.

Но вечером, когда он повесил портрет рядом с фотографией их “семьи”, долго смотрел на него, бережно касаясь пальцами, ему вдруг стало не по себе.

Это было совсем не похоже на обычный портрет. Скорее на траурное фото.

Улыбка на его губах постепенно увяла, глаза остекленели, а потом он неожиданно хрипло рассмеялся.

— Ну что ж... так даже лучше. — Голос дрожал, но он всё равно говорил. — Так хоть после смерти не придётся волноваться, что некому будет готовить моё траурное фото.

Время неумолимо докатилось до воскресенья.

Ци Хань провёл ручкой по последней строке на стикере, где был записан его сегодняшний план: “Испечь торт с Сяо Гэ”.

На этом жёлтом листочке было всего семь строк. Семь маленьких желаний:

1. Временная метка.
2. Совместная фотография.
3. Посадить цветы.
4. Долгие объятия.
5. Убаюкать его.
6. Ужин на двоих.
7. Испечь торт.

И Фу Гэ, будто угадывая мысли, уже помог ему осуществить шесть из этих семи желаний. Пусть результаты были немного другими, чем Ци Хань представлял, но они всё же сбылись.

Сегодня было седьмое и последнее.

Потому что в восемь вечера он должен был отправиться на чёрный рынок за той самой железой. И на этом всё кончится — и его мечта, и его репутация, и его жизнь.

Торт выбрали манговый — точно такой, как Фу Гэ испёк ему на восемнадцатилетие.

Раз уж начинать с этого, то и закончить тоже нужно так же. В этом была своя странная завершенность, и Ци Хань даже попытался убедить себя, что это хоть как-то похоже на хэппи-энд.

— Гэ, а как вообще эти цветы выдавливать? — Он с трудом сжимал кондитерский мешок, вымазывая пальцы кремом, и беспомощно смотрел на едва заметные следы, которые ему удалось оставить на торте.

Фу Гэ не смог удержаться от смеха, увидев его сосредоточенное, но безнадежно неумелое выражение лица.

— Ладно, давай сюда, я сам.

Он легко подхватил кондитерский мешок, но перед этим, почти невзначай, обхватил пальцы Ци Ханя и медленно поднёс к губам, облизнув сладкий крем. Его губы были тёплыми, а язык чуть шероховатым.

— Вкус не такой уж и приторный. Вполне нормально.

Пальцы Ци Ханя обожгло, будто по ним прошла тёплая игла, и это ощущение разлилось по всему телу, вспыхнув в груди чем-то похожим на отчаянную надежду. Он судорожно сглотнул, не в силах отвести взгляд.

— Гэ?..

— Мм? — Фу Гэ даже не обернулся, продолжая выдавливать розочки из крема на торт. В голосе его сквозило едва заметное лукавство. — Сколько раз ты ещё собираешься меня звать, а, председатель Ци? Ты что, маленький мальчик, который не может уснуть без старшего брата?

Ци Хань не обратил внимания на насмешки, взгляд его был горячим и чуть затуманенным. Глаза покраснели, но он упрямо не отрывался.

— Если Гэ говорит, что я такой, значит, так и есть. Мне всё равно.

Ци Хань медленно подался вперёд, будто нехотя, но всё же настойчиво, обвивая руки вокруг Фу Гэ и притягивая его к себе. Маленький бета поначалу пытался сосредоточиться на украшении торта, но стоило этим тёплым ладоням начать скользить по его талии всё смелее, как его щеки

мгновенно окрасились в мягкий розовый, будто крем с клубничным вкусом.

Кондитерский мешок так и норовил выскользнуть из его пальцев, и когда Фу Гэ тихо всхлипнул, не выдержав, тот и правда вылетел из рук, шлёпнувшись прямо на стол.

Ци Хань тут же ловко подхватил его — только вот вовсе не мешок с кремом, а запястье Фу Гэ, крепко удерживая его руку в своей.

— Совсем без сил, да? — Голос его прозвучал почти лениво, но от этого только пуще опалил уши.

Маленький бета еле удерживался на ногах, одной рукой цепляясь за край стола, другая же оставалась в тёплом плену его пальцев. Голос Фу Гэ дрожал так сильно, что казалось, он вот-вот загорится.

— А Хань, ты... мм, ты куда... трогаешь...

— А сам как думаешь? — усмехнулся Ци Хань, пальцы скользнули чуть ниже, и Фу Гэ едва не задохнулся от нахлынувшего жара. — Хочешь, чтобы я сильнее?

— Нет... не надо... — Фу Гэ прикусил губу, но краешки всё равно задрожали, выдавая его. Влажные глаза прикрылись, ресницы дрожали, а брови болезненно сдвинулись, словно его заледеневшие за зиму ветки начали оттаивать под горячими ладонями.

— Хватит... не надо... — Голос был тихий и сломанный, а между словами проскальзывали приглушённые вздохи. — Ты же... ты ведь сам знаешь, что нельзя, врач сказал... пока нельзя...

Ци Хань коротко рассмеялся, дыхание обожгло его шею. Он чуть склонился и почти ласково коснулся губами его шеи.

— Я ничего и не собирался. Просто хочу обнять. Хотя бы на пять минут, можно?

Фу Гэ обиженно поджал губы, лицо пылало так, что казалось, от этого жара сейчас растает весь крем на торте.

— Пять минут — это долго... я не выдержу...

— Тогда попроси меня. — Пальцы Ци Ханя чуть сжались на его запястье, но не больно, а скорее напоминая, что у него есть выбор. — Скажи что-нибудь приятное, и я сокращу время.

Губы Фу Гэ задрожали ещё сильнее, он совсем по-детски прикусил нижнюю губу, отчего на ней

проступила едва заметная капелька. Глаза наполнились слезами, а голос был совсем тихим и дрожащим:

— Не издевайся... Как мне тебя просить? Мне что, теперь ещё и звать тебя “Гэ”?..

Он выглядел таким растерянным и обиженным, будто тёплый сырный десерт, который вот-вот растает, если его не забрать с плиты. Но вот уйти или хотя бы отодвинуться даже не пытался, будто сам не заметил, как вцепился в его рубашку.

И как тут удержаться от соблазна подразнить его ещё чуть-чуть?

— А почему нет? Я же старше, — хмыкнул Ци Хань, улыбка в голосе была почти слышна.

Фу Гэ фыркнул, возмущённо прищурившись:

— С чего это ты старше? Ты же младше меня на два месяца!

Ци Хань прикусил его ухо, дыхание обожгло кожу.

— Я не про возраст, Гэ.

Румянец разлился по лицу Фу Гэ, растекаясь по шее и ушам, как алые лепестки. Он вспыхнул, одновременно смущённый и рассерженный:

— Ты! Не надо...

— Позови меня.

— К-как?..

— Ты знаешь как, малыш.

— Не знаю я... мм—! — Руки Фу Гэ дрожали, хватаясь за его рукав, и он, тяжело дыша, в конце концов сдался:

— Гэ...

Ци Хань довольно усмехнулся, легко подхватил его на руки и прижал ближе.

— Вот так, хороший мальчик.

Он обмакнул палец в крем и мазнул себе по носу, а потом, крепко держа Фу Гэ за подбородок, притянул его ближе.

— Слижи. Как тогда.

Фу Гэ насупился, но всё же, закусив губу, подчинился. Он чуть надутно вытянул губы и покорно слизнул крем с его носа, а потом глянул исподлобья — глаза блестели, будто тёплая весенняя вода:

— Бесстыдник...

Ци Ханя будто током ударило — сердце заколотилось так сильно, что он всерьёз испугался, как бы не оглохнуть от собственного пульса.

Манговый торт был совсем маленьким, но они вдвоём провозились с ним целый день, раз за разом отвлекаясь друг на друга.

Когда наконец всё было готово, они уселись за стол и начали понемногу есть, размениваясь короткими взглядами и молчаливыми улыбками.

Фу Гэ, стараясь казаться невозмутимым, бросил небрежно:

— Ты разве не на работу вечером? Чего это ты до сих пор в пальто?

Рука Ци Ханя с ложкой замерла, но он не поднял глаз, только как-то слишком спокойно отозвался:

— Да. Восемь вечера, важная встреча.

Встреча, которую назначил Гэ.

Фу Гэ не мог не знать, что это за встреча, и на какой именно рынок отправится Ци Хань в восемь. Но он только лениво потёрся лбом о его плечо, утыкаясь в тёплую ткань.

— А Ханю удачи на работе.

Ци Хань мягко провёл пальцами по его волосам, пряча в улыбке горечь, словно это могло помочь.

— Хорошо.

Фу Гэ добавил тихо, почти шёпотом:

— И чтобы ты вернулся целым и невредимым.

Сердце Ци Ханя болезненно сжалось, губы будто окаменели, не слушаясь. Он хотел спросить: “Гэ, ты правда хочешь, чтобы я вернулся целым и невредимым?”

Но в этот момент в дверь тихо постучали. За порогом стоял Чэнь Син с какой-то странной, невыразительной миной.

— Хань-ге, встречу перенесли на полчаса раньше. Нам нужно идти.

Ци Хань растерянно замер. Он перевёл взгляд с недоеденного мангового торта на Фу Гэ, который сосредоточенно ел, даже не поднимая глаз.

— Ещё... немного подожди. — Голос его прозвучал почти умоляюще. — Я хотел бы доесть торт...

Фу Гэ замер, ложка на мгновение остановилась, но уже через пару секунд он снова зачерпнул кусочек и мягко поднёс к его губам.

— Тогда поторопись. А то ещё опоздаешь.

Ци Хань горько усмехнулся, опуская ложку. В голове пронеслась почти насмешливая мысль:

“Гэ и правда так спешит отправить меня на смерть, что даже торт доесть не даёт...”

Но он ничего не сказал. Только медленно встал, взял плед и аккуратно накинул на плечи Фу Гэ, коснулся губами его волос.

— Спокойной ночи, малыш. Ложись пораньше. Торт оставь, я завтра доем.

— Хорошо. — Фу Гэ кивнул, не отрывая взгляда от тарелки, и спокойно проводил его глазами до двери.

На втором этаже, в узком коридоре, Ци Хань вдруг остановился, словно что-то вспомнив.

— Я часы забыл, вернись и принеси.

Чэнь Син закатил глаза.

— Да ты издеваешься! Ты как барышня, честное слово. Ладно, жди тут, сейчас принесу.

Но стоило ему развернуться, как что-то резко укололо шею. Чэнь Син только и успел схватиться за руку Ци Ханя, прежде чем ноги подогнулись.

— Хань-ге... ты не можешь... один... блять...

Ци Хань прикрыл его глаза ладонью, чтобы не видеть затухающего взгляда, и впервые за долгое время мягко улыбнулся:

— Я оставил тебе кое-что в 303-й. Думаю, тебе понравится. Так что проводи меня только до этой точки. Дальше я пойду один.

Он жестом подозвал охранников и холодно спросил:

— Вертолёт готов?

— Готов, председатель.

— Хорошо. Заберите его. В течение четырёх месяцев не вздумайте возвращаться в страну.

Когда он выходил, их было двое. Когда спускался по лестнице — уже один.

Лучи фонарей вытягивали его тень длинной полосой, ночь была безлунной, а ветер поднимал полы плаща, трепля их, будто черные крылья. Ци Хань остановился и невольно поднял глаза к окну на третьем этаже. И точно — там стоял Фу Гэ, неподвижный и почти незримый в темноте, но взгляд его не отрывался от уходящего альфы.

“Интересно, с каким чувством Гэ провожает меня на смерть?”

С облегчением от свершившейся мести? С болью о прошлом? Или с покорным прощением, от которого внутри только больнее?

Он не знал и не мог угадать. В конце концов, Ци Хань только молча махнул рукой, словно прощаясь, и повернулся, шагнув в холодную ночь.

“Завтра, Гэ получит всё, что хотел.”

Фу Гэ медленно смял стикер с семью желаниями в плотный комок и выбросил в мусорное ведро. Там же, на дне, лежал недоеденный манговый торт, на котором всё ещё были видны следы от ложки.

— “Твой список желаний я помог тебе исполнить.” — Фу Гэ тихо прошептал, глядя вслед удаляющейся спине.

— “А Хань... прошло уже пять лет. Тебе тоже пора вернуть свой долг.”

Слова рассыпались в ночи, тихие, как вздох, но в них было столько холода, что даже ветер, казалось, затих на мгновение.

Фу Гэ опустил глаза, задержав взгляд на смятом стикере в мусорном ведре. В уголках глаз что-то предательски защипало, но он лишь крепче сжал пальцы, чтобы они перестали дрожать.

На губах промелькнула слабая, горькая усмешка. Он знал, что будет дальше. Точно знал.

И потому не стал смотреть, как тень Ци Ханя исчезает за поворотом.

<http://bllate.org/book/14453/1278335>